

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Альперович В.Д. — Субъективный «образ мира»: сравнительный анализ концептуальных моделей //

Психология и Психотехника. – 2023. – № 4. – С. 104 - 117. DOI: 10.7256/2454-0722.2023.4.68726 EDN: JNEBFI

URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68726

Субъективный «образ мира»: сравнительный анализ концептуальных моделей

Альперович Валерия Дмитриевна

кандидат психологических наук

доцент, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет

344065, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, пер. Днепроvский, 116, оф. 419

✉ valdmalp@rambler.ru

[Статья из рубрики "Социальные страсти"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2023.4.68726

EDN:

JNEBFI

Дата направления статьи в редакцию:

16-10-2023

Дата публикации:

05-11-2023

Аннотация: Представления человека об окружающем мире влияют на поведенческие стратегии в повседневном общении. Проблемы их конструирования и трансформаций актуальны в ситуации стабильной транзитивности, подразумевающей в т.ч. пандемию коронавируса. В данных условиях повышается интерес психологов к изучению переживания и выражения личностью нового социального опыта, а также к особенностям субъектов на этапе ранней взрослости, гибко реагирующих на текущие общественные изменения. Цели исследования заключались в проведении сравнительного анализа концептуальных моделей, отражающих устойчивость и изменчивость индивидуального «образа мира», и определении возможностей нарративного анализа данного феномена на разных примерах интерпретации событий и ситуаций взаимодействия с другими людьми. Сформулирована гипотеза исследования о

том, что персональный «образ мира» как феномен, обладающий одновременно устойчивостью и изменчивостью, может быть изучен посредством обращения к речевым формам, в т.ч. к метафорам и нарративам о взаимодействии с разными коммуникативными партнерами. Методы. Применен сравнительный теоретический социально-психологический анализ деятельностного, психосемантического и иных подходов к изучению феномена «образ мира», а также интерпретация результатов некоторых эмпирических исследований биографических нарративов. Результаты исследования. Показано, что персональный «образ мира», обладающий одновременно устойчивостью и изменчивостью, может быть изучен посредством обращения к речевым формам: взаимодействие человека с партнерами по общению в различных категориях отражается в его метафорах и нарративах. Выводы. Научная новизна и оригинальность исследования состоят в следующем. Проведен сравнительный анализ концептуальных моделей «образа мира». Представлена авторская нарративная модель анализа взаимодействия с другими людьми в «образе мира» на этапе ранней взрослости. Возможности нарративного анализа представлений субъекта о других людях в его «образе мира» раскрыты на примере различных эмпирических исследований.

Ключевые слова:

образ мира, нарратив, транзитивность, ситуация, социальные представления, метафора, свой, чужой, враг, друг

Введение

Проблемы конструирования и трансформаций ценностно-смысловой сферы и представлений субъекта об окружающем мире остаются актуальными в психологии, поскольку они обуславливают его поведение в повседневном общении. Ситуация транзитивности в современном российском обществе, отражаясь в комплексе социальных феноменов, давно рассматривается отечественными авторами [\[1-7\]](#). Разнообразие социально-экономических и культурных контекстов существования личности и группы, а также переживание быстрых изменений и неопределенности окружающего мира являются ее основными характеристиками. Она крайне динамична, поскольку нестабильные периоды не сменяются стабильными периодами, и характеризуется вариативностью ценностных, нормативных систем и социальных структур, сопровождаемых диверсификацией паттернов и стратегий социального поведения. В понимании российских психологов, ситуация транзитивности имеет несколько градаций (уровней выраженности). Можно выделить ситуации кризисной транзитивности, «текучей» транзитивности и стабильной транзитивности [\[4\]](#). Например, военные конфликты, социально-экономический кризис и вынужденная миграция отличают ситуацию кризисной транзитивности; пандемия коронавируса продолжается в ситуации стабильной транзитивности. В данных социальных условиях актуализируются проблемы конструирования представлений молодежи и взрослых об окружающем мире. В этой связи, в фокусе внимания остаются исследования феномена «образ мира» личности. Он выступает интегратором данных установок, репрезентаций и поведенческих стратегий субъекта. Соответствие «образа мира» личности условиям неопределенности и быстрой изменчивости социальной ситуации влияет на уровень выраженности ее субъективного благополучия. Так, показано, что функционирование системы идентичностей личности зависит от конгруэнтности «Я»-концепции ее «образу мира» [\[1\]](#).

Образы других людей являются основным компонентом «образа мира». Однако в ситуации транзитивности в восприятии субъекта и группы разрушаются и формируются заново прежние системы оценивания, категоризации партнеров по общению, уже не соответствующие новому социальному укладу, нарушая привычные коммуникативные и поведенческие стратегии. Поэтому для зарубежных и российских авторов актуально изучение формирования образов другого человека, в частности, «мужчины-женщины», «счастливого-несчастливого», «неуспешного-успешного», «богатого-бедного», «своего-чужого», «врага-друга» [8-12]. Системы межличностных и межгрупповых отношений формируются и поддерживаются посредством этих конструктов в индивидуальном и коллективном сознании. Бинарные оппозиции «мы-они», «свой-чужой», «враг-друг» всегда, в т.ч. в условиях макросоциальных трансформаций в разных странах мира, выступают базовыми параметрами категоризации других людей, потому что в буквальном смысле способствуют выживанию субъекта и группы, обуславливая отношения кооперации и конкуренции. Традиционные исследования конструирования образов «чужих» и «врагов» в политическом контексте, например, в качестве идеологических противников, «террористов» [9; 10], а также экономических конкурентов и членов иных социокультурных групп [11]. В современной российской социальной психологии образы «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов» обычно рассматриваются как важнейшие составляющие стереотипов восприятия членов других социальных групп (этнических, культурных) при изучении механизмов межгрупповых отношений [20]. В ситуации неопределенности, транзитивности в центре внимания субъекта находится его микросоциальное окружение. Так, V. L. Buijs and G. Stulp [8] показывают значимость дружественных отношений в семейном окружении на примере датчанок, а A. N. Porper [11] — в профессиональной среде, на примере сотрудников различных организаций. A. Barakzai, A. Shaw и M. Scholten [21; 22] выявили амбивалентность отношений молодежи и взрослых к наиболее помогающим и щедрым партнерам-«друзьям» из их социального окружения, в отличие от позитивных отношений к менее помогающим партнерам, а также негативные компоненты («обвинение») в дружественных отношениях. Динамика социальных представлений, ментальных репрезентаций и интерпретативных репертуаров восприятия других людей в разных категориях остается проблемной, дискуссионной в русле как когнитивной, так и дискурсивной мировой и российской социальной психологии [13-15]. В мировой психологии увеличивается количество работ, посвященных изучению влияния на них нового комплексного фактора — пандемии коронавируса [16-19], кроме исследований влияния политических, экономических и культурных реалий на трансформацию этих феноменов.

Мы полагаем, что в сфере исследований «образа мира» сложились некоторые противоречия. Различные авторы согласны с тем, что переживание субъективного благополучия и регуляция стратегий взаимодействия с другими людьми обеспечивается стабильностью «образа мира». Адаптация человека к ситуации транзитивности подразумевает изменчивость структур «образа мира». Субъективный «образ мира» воплощается в языке повседневного общения с окружающими. Рассмотрены представления о других людях в разных категориях, в частности, «своем-чужом», «враге-друге». Нечасты эмпирические исследования образов других людей в качестве одного из основных компонентов «образа мира», выраженных в языковых формах, в т.ч. метафорической и нарративной.

Цели нашего исследования заключались, во-первых, в проведении сравнительного анализа концептуальных моделей, отражающих устойчивость и изменчивость

индивидуального «образа мира»; во-вторых, в определении возможностей нарративного анализа данного феномена на разных примерах интерпретации событий и ситуаций взаимодействия с другими людьми, в частности, "своими" и "чужими" как значимой составляющей "образа мира". Сформулирована гипотеза исследования о том, что персональный «образ мира» как феномен, обладающий одновременно устойчивостью и изменчивостью, может быть изучен посредством обращения к речевым формам, в т.ч. к метафорам и нарративам о взаимодействии с разными партнерами по общению. Применены следующие методы исследования: теоретический сравнительный социально-психологический анализ подходов к феномену «образ мира» в российской и зарубежной психологии; анализ и интерпретация результатов некоторых эмпирических исследований биографических нарративов.

1. Концептуальные модели «образа мира: психосемантический подход vs теория социальных представлений

В российской психологии наиболее разработаны деятельностный (А. Н. Леонтьев, С. Д. Смирнов) и психосемантический (В. П. Серкин, В. А. Склеинис) подходы к структуре и содержанию «образа мира». Данный термин введен в отечественную психологию А. Н. Леонтьевым. В его теории деятельности этот феномен являлся интегратором познавательных процессов субъекта и системы его деятельностей. Предполагалось, что «образ мира» в целом отражает реальные пространственно-географические и социальные координаты, в которых живет человек, и поэтому наполнен смыслами и значениями предметов и событий. В русле психосемантического подхода рассматривается «трехслойная» структура «образа мира», включающая осознаваемые и неосознаваемые компоненты: «перцептивный» «слой» (образы восприятия в повседневном общении), семантический «слой» («картина мира», система значений, отношений к себе и с другими людьми) и «амодальные структуры» (глубинные смыслы жизнедеятельности, доверие-недоверие миру и т.п.). «Образ мира» интегрирует ценностно-смысловые и установочные системы субъекта, регулирует поведенческие стратегии.

По нашему мнению, в рамках деятельностного и психосемантического подходов признается быстрая изменчивость поверхностного слоя (перцептивных образов) «образа мира» и относительная динамика «семантического» слоя («картины мира»), которые способствуют адаптации личности к нестабильному окружению. По мнению С. Д. Смирнова [\[23\]](#), субъективный «образ мира», обеспечивающий перманентное продуцирование и проверку познавательных гипотез о происходящем в социальном окружении человека, обуславливает динамический контроль неопределенности окружающего мира с целью регуляции повседневной деятельности. Так происходит постоянное изменение и расширение контекстов восприятия и интерпретации социальных объектов и процессов. Однако в русле этих подходов «образ мира», призванный обеспечивать функционирование «Я-концепции» и переживание субъективного благополучия, остается в целом устойчивым.

Это положение было пересмотрено в контексте ситуации транзитивности. Г. М. Андреева указывала, что «в условиях социальной нестабильности (ее конкретной формы) модифицируется процесс социального познания, т.е. процесс конструирования образа социального мира, если учесть, что важным фактором этого процесса выступает активность субъекта, совершающего ментальную реконструкцию этого мира» [\[24, с. 257\]](#). По мнению Г. М. Андреевой, в этой связи необходимо обратиться к положениям социального конструкционизма, разработанным К. Гергеном, поскольку познавательные

категории функционируют посредством языка: «Только при адекватном владении языком индивид может понять, истолковать категории, а значит, и «выбрать» те факторы, которые особенно значимы в окружающем мире, те влияния, которые особенно заметны и существенны» [там же, с. та же]. Автор, также апеллируя к идеям П. Бергера и Т. Лукмана, делает вывод о том, что социальный опыт, аккумулируемый поколениями и объективированный в языке, «изменчив, значения слов отражают изменения, картина мира неизбежно «рисует» всякий раз при помощи другого набора слов и значений. Этим в значительной степени определяется характер познания социального мира в эпоху социальных изменений» [там же, с. 258].

В «образе мира» воплощаются процессы осмысления и конструирования мира в общении субъекта с другими людьми. По мнению Г. М. Андреевой, образ социального мира неотъемлемо включает образы другого человека, состоящие из определенных репертуаров каузальных схем, в частности, обусловленных историческим прошлым конкретного социума [24]. В этой связи, в качестве составляющих «образа мира» в российской психологии также рассматриваются ментальные репрезентации — когнитивные структуры, выражающие концептуальные системы в сознании человека, его систему отношений к себе и другим людям и обусловленные его опытом повседневного взаимодействия. Ментальные репрезентации как способы социального восприятия носят интерпретационный характер; «образ мира» реализует функции оценки, объяснения окружающего. В свою очередь, к когнитивным системам, состоящим из ментальных репрезентаций, применяется термин «социальные представления», в соответствии с теорией социальных представлений С. Московиси, широко освещенной в последние десятилетия в зарубежной [13; 14] и отечественной психологической литературе (Т.П. Емельянова, И.В. Бовина и др.).

Деятельностному и психосемантическому подходам к «образу мира» соответствует следующий методический инструментарий. Например, методика «Семантический дифференциал» применяется с целью изучения семантического «слоя», а методика «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман (в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельниковой) — с целью изучения глубинного «слоя» «образа мира» [25]. Также используется методика «Социальные верования» Дж. Даккита [20; 26]. О. А. Гулевич и коллеги [20] подчеркивают, что социальные верования рассматриваются как установки относительно свойств, присущих другим людям, их поведения и реакции субъекта на него. Представления о мире также изучаются с помощью модифицированного самоотчета «Мой мир: 20 из 80», предполагающего выбор респондентом 20 характеристик, которые описывали бы его «мир», затем 5 основных характеристик из выбранных 20 характеристик [27], контент-анализ свободных сочинений на тему «Как я представляю мир» [28]. В понимании С. Московиси и его последователей, социальные представления, кроме стабильного «ядра» («универсальных» элементов содержания), имеют нестабильную «периферическую» часть (элементы содержания, зависимые от социального контекста) [13; 14]. Г. М. Андреева отметила, что в рамках данной теории построение «образа мира» происходит в постоянной коммуникации. Следовательно, в отличие от деятельностного и психосемантического подходов, признающих, что «образ мира» в определенной мере объективный (но не отражательный), теория социальных представлений подразумевает, что его природа конструктивна, он создается в социальном взаимодействии членов группы. В теории С. Московиси социальные представления рассматриваются как форма знания о мире, вырабатываемого социальной группой в повседневном общении, схемы интерпретации общественных явлений и

процессов. Социальные представления, благодаря их структуре, могут воплощаться в разных изменчивых речевых формах, в т.ч. в идиомах, метафорах и биографических нарративах. Нарратив — это последовательность взаимосвязанных событий в рассказе. В течение четырех последних десятилетий сформировались психологические традиции нарративного анализа, которые обширно рассмотрены в зарубежной и отечественной литературе, поэтому мы не будем на них подробно останавливаться и приведем примеры некоторых исследований. С нашей точки зрения, нарративная психология позволяет изучить динамичность феномена «образ мира» в субъективном восприятии, поскольку нарративы создаются в обыденном общении.

2. Интерпретации обыденной социальной реальности в персональных нарративах в зарубежных и российских исследованиях

По мнению Д. Макадамса [\[29\]](#), интернализация и конструирование нарративного «Я», рассказов человека о самом себе, обеспечивают единство его восприятия собственной жизни. Мы полагаем, что данные процессы также влияют на интеграцию «образа мира». Нарратив фиксирует «обыденные» (привычные, «канонические») и «нетипичные» для субъекта жизненные ситуации и явления. Это утверждение иллюстрируют актуальные примеры исследований молодежи и лиц, находящихся на этапе ранней взрослости. В настоящий период, в связи с распространением коронавируса в разных странах мира, зарубежные и российские психологи обращаются к проблемам субъективного осмысления новой, непривычной социальной реальности, воплощаемого в нарративах. С. Chimpén-Lopez and al. и F. Burrai and al. [\[16; 17\]](#) показывают, как нарративы становятся ресурсом преодоления трудных ситуаций, сложившихся в результате локдауна и необходимости самоизоляции. С. М. Heilferty et al. [\[19\]](#) установили, что в студенческих нарративах о пандемии коронавируса этот период воспринимается не только как «вызов» и вынужденная смена образа жизни, но и как появление «новых возможностей». М. В. Чудиновских и др. [\[18\]](#) выполнили сравнительный нарративный анализ опыта дистанционной работы в условиях пандемии COVID-19, опросив сотрудников российских и итальянских предприятий. Жизненные истории позволяют респондентам выразить уровень субъективного благополучия, осмыслить новые условия изоляции и необходимость приобретения иных профессиональных умений и навыков. Психология заимствовала из лингвистики термин «фрейм», обозначающий речевые конструкции, в которых фиксированы «типичные», стереотипные социальные ситуации. С. А. Хахалова [\[30\]](#) исследовала актуализацию фрейма «сохранение» относительно концепта «здоровье» в субъективной ментальной модели мира под влиянием условий пандемии COVID-19. Автор показывает, что в настоящий период образовались новые взаимосвязи между концептами «здоровье» и «самоизоляция». В. Fisher-Yoshida and J. С. Lopez [\[31\]](#) акцентируют влияние трансформаций культурного и социально-экономического контекстов, опосредствованных социальными нарративами, на персональные нарративы. В биографических нарративах молодежи отражаются новые дискурсивные контексты и социальные практики. Например, Н. Steenkamp, A. L. Nel и Q. Chen, R. M. Russell [\[32; 33\]](#), а также И. Ю. Суворова и коллеги [\[34\]](#), проведя нарративный анализ идентичности студентов, в т.ч. российских и китайских, продемонстрировали, как в их актуальных жизненных историях о периоде обучения в университете сделан акцент на неопределенности и напряженности социально-экономической ситуации в разных странах. Н. К. Радина и А. В. Поршнева [\[35\]](#), изучив «Я»-нарративы представителей «поколения Z», «цифрового поколения» (участников исследования до 30 лет), установили, что описанные в них стратегии подчинения молодежи трудностям

стереотипизированы, а сценарии преодоления трудных жизненных ситуаций индивидуализированы. А. А. Порецкова и Т. В. Славгородский-Казанец^[36] в эмпирическом исследовании показывают, как посредством нарративов конструируется идентичность членов молодежных виртуальных сообществ в популярных онлайн-играх. Нарративы обеспечивают позиционирование, самовосприятие геймеров в игровом пространстве. В связи с тематикой исследований, примеры которых приведены в данной статье, и выводами авторов этих работ, мы также предприняли попытку рассмотреть особенности «образа мира» лиц на этапе ранней взрослости посредством нарративного анализа ситуаций их взаимодействия с партнерами по общению в качестве «своих» и «чужих», «врагов» и «друзей».

3. Нарративный анализ взаимодействия субъектов со «своими» и «чужими» партнерами по общению

В связи с тематикой исследований, примеры которых приведены в данной статье, и выводами авторов этих работ, мы предприняли попытку рассмотреть особенности «образа мира» лиц на этапе ранней взрослости посредством нарративного анализа ситуаций их взаимодействия с партнерами по общению в качестве «своих» и «чужих», «врагов» и «друзей». Мы разработали различные параметры анализа «образа мира» в нарративе на основании авторских эмпирических исследований: взаимосвязи перечисляемых респондентом объектов и аспектов «образа мира», перцептивность-концептуальность, стабильность-динамичность, дифференцированность-недифференцированность, эмоциональная оценка, описание пространственно-географического или социального аспектов, описание «Я» в нарративе, сферы формального или неформального общения, в которых развивается сюжет, наличие «своих» и «чужих» партнеров по общению как героев повествования, описание и оценка их поведения и ролей во взаимодействии с субъектом, автором нарратива^[15]. Цель нашего эмпирического исследования заключалась в том, чтобы определить особенности «образа мира» субъектов, различающихся представлениями о взаимодействии со «своими» и «чужими» людьми. Предметом исследования выступили типы «образа мира», представленные в нарративах респондентов. Была сформулирована гипотеза исследования о том, что различия представлений субъектов о «своих» и «чужих» людях могут быть связаны с различиями их нарративных «образов мира». «Текущая» социальная неопределенность способствовала возрастанию интереса социологов и психологов к изучению особенностей молодежи, т.е. субъектов подросткового, юношеского, студенческого возрастов, лиц, находящихся на этапе ранней взрослости. Данные субъекты переживают возрастные периоды формирования самооценки, системы отношений к себе и к другим людям, «образа мира», построения и первичной реализации профессиональных планов и карьерных перспектив, более гибко реагируют на социальные трансформации, оказываются готовыми к выбору и модификациям социальных позиций. Поэтому эмпирическим объектом исследования стали сотрудники образовательных организаций и промышленных предприятий г. Ростова-на-Дону, а также студенты Южного федерального университета 25-35 лет. 140 респондентов составляли рассказы об их «мире». Затем к этим рассказам были применены отмеченные выше параметры нарративного анализа. Сделаны выводы о том, что дифференцированный «образ мира», раскрытый в текстах участников исследования, насыщен различными эмоциональными оценками авторов и наполнен пространственно-географическими и социальными объектами. Следует отметить, что включение в повествование героев, т.е. партнеров по общению, воспринимаемых в качестве «своих» и «чужих» (родственников, коллег, соседей), является неотъемлемой характеристикой каждого нарратива. Четыре типа «образа мира», представленные в нарративах респондентов, различаются

эмоциональной включенностью авторов в ситуации общения со «своими» и «чужими» людьми, позитивностью, негативностью или амбивалентностью целостного восприятия окружающего мира, гиперболизацией и стереотипизацией положительных и отрицательных свойств «своих» и «чужих» людей, степенью осознанности авторами влияния их собственных представлений и установок на их «образы мира». В нарративах позитивный «концептуальный» «образ мира» связан с положительными качествами, приписываемыми партнерам по общению, а амбивалентный «перцептивный» «образ мира» связан с отрицательными или амбивалентными качествами других людей. Это свидетельствует в пользу гипотезы о взаимосвязях особенностей представлений о других людях и характеристик субъективного «образа мира», представленного в нарративах.

Выводы и заключение

Научная новизна исследования, представленного в данной статье, заключается в следующем. Проведен сравнительный анализ исследовательских трактовок субъективного «образа мира» в зарубежной и российской социальной психологии, с позиций которых ему присущи как относительная стабильность, так и изменчивость. Сделаны выводы о том, что динамичность индивидуального «образа мира» в социальной ситуации транзитивности выражает концептуальная модель ментальных репрезентаций. Их системы составляют социальные представления, отраженные в различных речевых формах, в т.ч. метафорах и нарративах. Возможности нарративного анализа представлений субъекта о других людях в его «образе мира» раскрыты на примере некоторых эмпирических исследований биографических нарративов. Нарративы молодежи позволяют осмыслить, интерпретируют социальные феномены, и новые, непривычные, и обыденные, соответствующие социальным ожиданиям, в т.ч. взаимодействие со «своими» и «чужими» партнерами. Это согласуется с выводами коллег, чьи работы затронуты выше. По мнению российских психологов, коллективная память и система ценностей влияют на содержание «ядерных» компонентов социальных представлений [\[37\]](#).

Авторская нарративная модель анализа взаимодействия с партнерами по общению в «образе мира» современной молодежи заключается в следующих положениях. В нарративах отражаются стереотипизированные и индивидуализированные компоненты субъективного опыта общения, составляющие «ядерные» и «периферические» структуры социальных представлений о других людях в различных ипостасях. Нарративы, являясь рассказами о значимых жизненных событиях, демонстрируют динамику представлений личности. Диапазон ментальных репрезентаций партнеров по общению в восприятии субъектов, основанный на фреймовых структурах, например, «свой-чужой», обеспечивает разнообразие их представлений об этих людях.

В заключение можно отметить, что роль феномена «образ мира» в интерпретациях субъектом социальных явлений и процессов неоднозначна. В работах зарубежных и российских авторов, к которым мы обратились в данной статье, рассмотрены взаимосвязи «образа мира», системы отношений личности и стратегий взаимодействия с другими людьми. Мы придерживаемся того, что ресурсы адаптации, жизнестойкости, а также креативности личности обеспечиваются, в основном, посредством не столько стабильных составляющих, сколько динамичных компонентов ее «образа мира».

Библиография

1. Аянян А. Н., Голубева А. Н., Марцинковская Т. Д., Полева Н. С. Специфика

- становления идентичности детей и подростков в ситуации транзитивности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 50. С. 5. doi: 10.54359/ps.v9i50.409
2. Дубовская Е. М. Транзитивность общества как фактор социализации личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 7. doi:10.54359/ps.v7i36.605
3. Дубовская Е. М., Киселева М. А. Социальная транзитивность как фактор формирования ценностной структуры в юношеском возрасте [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 60. С. 11. doi:10.54359/ps.v11i60.270
4. Марцинковская Т. Д., Киселева Е. А. Социализация и аккультурация в транзитивном пространстве [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 62. С. 10. doi:10.54359/ps.v11i62.1037
5. Гребенникова О. В., Хузеева Г. Р., Кончаловская М. М., Аянян А. Н. Социальные представления и ценностные ориентации в картине мира современных подростков: мозаика противоречий [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 53. С. 5. doi:10.54359/ps.v10i53.375
6. Гусельцева М. С. Идентичность в транзитивном обществе: трансформация ценностей [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 54. С. 5. doi:10.54359/ps.v10i54.363
7. Хузеева Г. Р., Гусельцева М. С. Особенности представлений о повседневности у девушек и женщин в условиях транзитивного общества [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2019. Т. 12, № 63. С. 8 doi: 10.54359/ps.v12i63.234
8. Buijs V. L., Stulp G. Friends, family, and family friends: Predicting friendships of Dutch women. *Social Networks*, 2021, 70, pp. 25–35doi: 10.1016/j.socnet.2021.10.008
9. Eubank N., Kronick D. Friends Don't Let Friends Free Ride. *Quarterly Journal of Political Science*, 2021,16 (4), pp. 533–557doi: 10.1561/100.00020143
10. Flood M., Martin F. The terrorist as ennemi intime in French and Francophone cinema. *Studies in French Cinema*, 2019, 19 (3), SI, pp. 171–178. doi: 10.1080/14715880.2018.1531338
11. Mosquera G. Alien-own/own-alien: Globalization and cultural difference. *Boundary 2-AN International Journal of Literature and Culture*, 2002, 29 (3), pp. 163–173 doi: 10.1215/01903659-29-3-163
12. Popper A. N. Colleagues as friends. *ICES Journal of Marine Science*, 2020, 77 (6), pp. 2033–2042 doi: 10.1093/icesjms/fsaa097
13. Moscovici S. Social Representations: Explorations in Social Psychology. Polity Press, 2000. 328 p.
14. Seca J.-M. Les représentations sociales. Armand Colin, 2001. 192 p.
15. Альперович В. Д. Особенности интерпретативных репертуаров восприятия других людей в индивидуальных «образах мира» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10. No 3 (39). С. 229-239. doi: 10.18500/2304-9790-2021-10-3-229-239
16. Burrai F., Mettifogo M., Magavern E. F. Narrative-Based Practice. *Holistic Nursing Practices*, 2020, 34 (5), pp. 306–313. doi: 10.1097/HNP.0000000000000379
17. Chimpén-Lopez C., Moggia D., Ferrer M., Cano S., Florensa M., Jorge, A., Moral M., Sagrado S. Responses from narrative therapy and narrative practices to coronavirus. *Revista de Psicoterapia*, 2021, 32 (18), pp. 303–322 doi: 10.33898/rdp.v32i118.420
18. Чудиновских М. В., Федорова А. Э., Меньшикова М. С. Переход к дистанционной

- работе в условиях пандемии: опыт межстранового нарративного анализа // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2021. Т. 19 № 1. С. 32–40. doi: 10.24147/1812-3988.2021.19(1).32-40
19. Heilferty C. M., Phillips L. J., Mathios R. Letters from the pandemic: Nursing student narratives of change, challenges and thriving at the outset of COVID-19. *Journal of Advanced Nursing*, 2021, 77 (8), pp. 3436–3445. doi: 10.1111/jan.14862
20. Гулевич О. А., Аникеенок О. А., Безменова И. К. Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 2. С. 68–89.
21. Barakzai A., Shaw A. Friends without benefits: When we react negatively to helpful and generous friends. *Evolution and Human Behavior*, 2018, 39 (5), pp. 529–537doi: 10.1016/j.evolhumbehav.2018.05.004
22. Scholten M. Blaming friends. *Philosophical Studies*, 2022, 179, pp. 1545–562. doi: 10.1007/s11098-021-01718-w
23. Смирнов С. Д. Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 5–13.
24. Андреева Г. М. Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
25. Валитова Д. Г. Эмпирическое исследование особенностей базовых представлений о мире как фактор агрессивности в молодежной среде // Правовестник. 2019. № 5 (16). С. 44–46.
26. Мосина Л. В. Психологические факторы формирования представлений студентов о мире // Вестник современных исследований. 2018. № 5.3 (20). С. 290–292.
27. Васильева О. С., Грачева Н. М. Представления о себе и мире у студентов–психологов // Российский психологический журнал. 2015. Т. 12, № 2. С. 34–45.
28. Усова Н. В. Взаимосвязь представлений о мире и субъективного благополучия личности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 450–453.
29. McAdams D. P. The Psychology of Life Stories. *Review of General Psychology*, 2001, 5 (2), pp. 100–122.
30. Хахалова С. А. Специфика взаимосвязи перцептов, репрезентаций, фреймов и концептов в ментальной модели мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т.14. Вып. 4 С. 1276–1282 doi: 10.30853/phil210193
31. Fisher-Yoshida B., Lopez J.C. Transforming Conflict Narratives. *Journal of Transformative Education*, 2021, 19 (4), pp. 433–444. doi: 10.33898/rdp.v32i118.420
32. Steenkamp H., Nel A. L. Narrative Based Motivation for Engineering Students. *10th IEEE Global Engineering Education Conference (EDUCON), Proceedings of 2019 IEEE Global Engineering Education Conference (EDUCON)*, 2019, 566–570.
33. Chen Q., Russell R. M. Students' Reflections on Their Field Practicum: An Analysis of BSW Student Narratives. *Journal of Teaching in Social Work*, 2019, 39 (1), pp. 60–74. doi: 10.1080/08841233.2018.1543224
34. Суворова И. Ю., Глебов В. В., Ван Х. Исследование особенностей нарративной идентичности русских и китайских студентов // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 4. С. 93–113 doi: 10.17759/sps.2021120406
35. Радина Н. К., Поршнева А. В. Стратегии (не)сопротивления в нарративах о трудностях: становление «подчиненного субъекта» // Социальная психология и

- общество. 2021. Т. 12, № 3. С. 151–169 doi: 10.17759/sps.2021120310
36. Порецкова А. А., Славгородский-Казанец Т. В. Применение нарративного анализа к изучению идентичностей в рамках виртуальной этнографии: возможности и ограничения // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 51–61. doi: 10.31857/S086954150008755-0
37. Александров Ю. И., Александрова Н. Л., Харламенкова Н. Е. Субъективный опыт: личностное и социокультурное // Человек. 2011. № 2. С. 104–113.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье представлена попытка показать «Образ мира» в ситуации транзитивности в контексте взаимодействия со «своими» и «чужими» людьми. Текст начинается с того, что проблемы конструирования и трансформаций ценностно-смысловой сферы и представлений субъекта об окружающем мире остаются актуальными в психологии, поскольку они обуславливают его поведение в повседневном общении. Сразу складывается впечатление, что речь пойдет о конструировании и моделировании образов мира, но в тексте об этом ничего не сказано. Хотя в самом конце статьи автор ссылается на свою модель. И по тексту отмечает, что одновременное функционирование в современном российском транзитивном обществе различных, подчас противоречивых, социокультурных, ценностных, нормативных контекстов жизнедеятельности личности и группы актуализирует проблемы конструирования и динамики представлений молодежи и взрослых об окружающем мире. Отмечено также, что в реалиях постмодерна у людей, находящихся на этапе средней и поздней взрослости, и у молодежи происходит смена ценностей «выживания» на ценности «самовыражения», проявляется множественность «жизненных миров» личности, поскольку в условиях демократического общества поощряется толерантность к «другому», «иному», создаются новые возможности индивидуализации жизненного пути субъекта. Но все-таки следует признать, что актуальность заявленной тематики обоснована неубедительно.

Цель этого «теоретического исследования», как отмечено в тексте, в том, чтобы «определить теоретико-методологические основания исследования трансформации персонального «образа мира». Формулировка цели некорректна и не согласуется с актуальностью исследования. При этом обращает внимание, что описанные автором проблемы и противоречия, применительно к сформулированной цели, таковыми по своей сути не являются. Например, «Несмотря на разработанность понятия «образ мира» в течение нескольких десятилетий, во-первых, дискуссионными остаются особенности и механизмы его динамики на индивидуальном уровне. Во-вторых, с нашей точки зрения, нечасто представлены теоретические социально-психологические модели, демонстрирующие нестабильность «образа мира» в связи с интерпретацией субъектом значимых жизненных ситуаций». В чем здесь проблема и какие тут противоречия?

Предмет исследования также не согласуется с его целью. Автор пишет, что предметом исследования выступили когнитивные структуры, обеспечивающие функционирование «образа мира» личности и выраженные в биографических нарративах. Каких-либо данных по этому поводу в тексте нет.

Отсутствует обоснование научной новизны.

Стиль изложения текста субъективно-теоретический. Материал сложен для восприятия и фрагментарен по смыслу. Простые вещи написаны зачем-то сложным языком. Для решения имеющихся проблем автору следует вносить ясность, а не усложнять их до

полного непонимания того, о чем идет речь.

Структура работы частично соответствует тем логическим требованиям, которым должна соответствовать научная статья.

О содержании данного текста применительно к перспективе его опубликования в качестве научной статьи однозначно говорить сложно. Это связано с тем, что, с одной стороны, имеет место попытка теоретического обоснования процессов формирования образов мира в ситуации транзитивности в контексте взаимодействия со «своими» и «чужими» людьми», а с другой стороны для этого ничего не сделано. В качестве методологии автор предлагает использовать теории и подходы известных отечественных исследователей, их фамилии приводятся по тексту. Это действительно известные и уважаемые личности, но не стоит их использовать для обоснования всего подряд и постоянно. Необходимо дополнять их результатами своих исследования, приращивая к ним что-новое.

В данном же случае каких-либо исследований выполнено не было. Речь просто идет о транзитивности, о коронавирусе, о социально-экономических потрясениях и т.д. Этого недостаточно для того, чтобы заинтересовать потенциального читателя.

Хотя автор выделил рубрику «Результаты исследования и их обсуждение». И написал в ней, что был проведен сравнительный анализ исследовательских трактовок субъективного «образа мира» в зарубежной и российской социальной психологии. Показана противоречивость деятельностного и психосемантического подходов к данному феномену, с позиций которых ему присущи как относительная стабильность, так и изменчивость. Написал, что сделаны выводы о том, что динамичность индивидуального «образа мира» в социальной ситуации транзитивности выражает концептуальная модель ментальных репрезентаций. Их системы составляют социальные представления, отраженные в различных речевых формах, в т.ч. метафорах и нарративах. Где эти социальные представления, речевые формы, метафоры и др.? Этого в тексте нет, хотя утверждается, что «нарративы молодежи позволяют осмыслить, интерпретируют социальные феномены, и новые, непривычные, и обыденные, соответствующие социальным ожиданиям, в т.ч. взаимодействие со «своими» и «чужими» партнерами». То есть, автор использовал понятие нарратива и добавил к нему «взаимодействие со «своими» и «чужими» партнерами». Может быть в этой добавке и заключается вся научная новизна данного текста?

Но автор представил и выводы в которых развивает все глубже свое повествование, утверждая уже, что «мы проиллюстрировали взаимосвязи феномена «образ мира» с фреймовыми структурами и ментальными репрезентациями в социальном познании». Пишет о том, что авторская нарративная модель анализа взаимодействия с партнерами по общению в «образе мира» современной молодежи заключается в следующих положениях. В нарративах отражаются стереотипизированные и индивидуализированные компоненты субъективного опыта общения, составляющие «ядерные» и «периферические» структуры социальных представлений о других людях в различных ипостасях. Нарративы, являясь рассказами о значимых жизненных событиях, демонстрируют динамику представлений личности. Диапазон ментальных репрезентаций партнеров по общению в восприятии субъектов, основанный на фреймовых структурах, например, «свой-чужой», обеспечивает разнообразие их представлений об этих людях. Выводы и заключение не соответствуют тексту.

Библиографический список состоит из источников по теме работы.

Данный текст рекомендовать к опубликованию в научном журнале не представляется возможным.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является сравнительный анализ концептуальных моделей субъективного «образа мира».

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы теоретический сравнительный социально-психологический анализ подходов к феномену «образ мира» в российской и зарубежной психологии, а также анализ и интерпретация результатов некоторых эмпирических исследований биографических нарративов.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, так как проблемы конструирования и трансформаций ценностно-смысловой сферы и представлений субъекта об окружающем мире остаются актуальными в психологии, поскольку они обуславливают его поведение в повседневном общении. Ситуация транзитивности в современном российском обществе, отражаясь в комплексе социальных феноменов, входит в поле научного исследования многих ученых в нашей стране. Разнообразие социально-экономических и культурных контекстов существования личности и группы, а также переживание быстрых изменений и неопределенности окружающего мира являются ее основными характеристиками. Она крайне динамична, поскольку нестабильные периоды не сменяются стабильными периодами, и характеризуется вариативностью ценностных, нормативных систем и социальных структур, сопровождаемых диверсификацией паттернов и стратегий социального поведения. Именно поэтому эта тема не теряет своей актуальности.

Научная новизна исследования заключается в изучении в проведении сравнительного анализа концептуальных моделей, отражающих устойчивость и изменчивость индивидуального «образа мира», а также, в определении возможностей нарративного анализа данного феномена на разных примерах интерпретации событий и ситуаций взаимодействия с другими людьми, в частности, "своими" и "чужими" как значимой составляющей "образа мира".

Статья изложена языком научного стиля с очень грамотным использованием в тексте исследования изложения позиций ученых в области изучаемой проблемы, а также применением научной терминологии.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, в структуре данного исследования можно выделить такие элементы введение, основная часть, в которой обозначены три части (концептуальные модели «образа мира: психосемантический подход vs теория социальных представлений; интерпретации обыденной социальной реальности в персональных нарративах в зарубежных и российских исследованиях; нарративный анализ взаимодействия субъектов со «своими» и «чужими» партнерами по общению) выводы и заключение, библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенно ценным в содержании статьи следует отметить описание проведения эмпирическим исследования, в котором объектом исследования стали сотрудники образовательных организаций и промышленных предприятий г. Ростова-на-Дону, а также студенты Южного федерального университета 25-35 лет. 140 респондентов составляли рассказы об их «мире». Затем к этим рассказам были применены параметры нарративного анализа, которые также подробно описаны в данном исследовании.

Библиография содержит 37 источников, включающих в себя как отечественные, так и зарубежные периодические и неперіодические издания.

Несмотря на то, что представленное исследование носит в большей степени аналитический и практический характер, в теоретическом описании различных позиций, характеризующих концептуальные модели субъективного «образа мира» содержится много апелляций к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике в различных научных школах и среди известных ученых, что также подтверждается обширной библиографией и демонстрирует авторскую погруженность в изучаемую научную проблему.

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающиеся предметной области исследования с учетом собранных материалов и полученных результатов. В частности, в качестве вывода отмечается, что динамичность индивидуального «образа мира» в социальной ситуации транзитивности выражает концептуальная модель ментальных репрезентаций. Их системы составляют социальные представления, отраженные в различных речевых формах, в т.ч. метафорах и нарративах. Возможности нарративного анализа представлений субъекта о других людях в его «образе мира» раскрыты на примере некоторых эмпирических исследований биографических нарративов. Нарративы молодежи позволяют осмыслить, интерпретируют социальные феномены, и новые, непривычные, и обыденные, соответствующие социальным ожиданиям, в т.ч. взаимодействие со «своими» и «чужими» партнерами.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, работникам психологических служб и организаций, специализирующихся на работе с молодежью, государственным и муниципальным служащим при подготовке справочных материалов и пояснительных записок по заявленной тематике.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в статье не были четко определены и выделены ее структурные элементы, такие как актуальность, научная новизна, методология исследования, которые, без сомнения четко прослеживаются в ее содержании, однако, отдельно они не выделены соответствующими заголовками. Отдельные результаты эмпирического исследования можно было бы представить в форме таблиц и рисунков, что позволило бы облегчить восприятие материала и обеспечить его наглядность. Указанные недостатки не снижают теоретическую и практическую значимость исследования, а носят в большей степени рекомендательный характер. Статья рекомендуется к опубликованию.